

УДК 398.8 (=161.3)

**БЕЛОРУССКИЙ ЖЕСТОКИЙ
РОМАНС: ПЕРСОНАЖИ, СЮЖЕТ,
СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ****Н. Л. Конобеева,***магістр філологічных наук, аспірант
отдела фольклористики и культуры
славянских народов Центра исследований
белорусской культуры НАН Беларуси*

Поступила в редакцию 12.07.19.

В статье исследуется жанр белорусского жестокого романа, дается его определение, выявляются специфические черты жестокого романа. Проанализированы сюжетные схемы: соблазнитель и его жертва, дочь-отступница и отказывающаяся от нее семья, возлюбленные, сводящие счеты с жизнью. Внутри каждой схемы выявлены поведенческие стратегии персонажей, проведены исследования средств выразительности.

Ключевые слова: белорусский жестокий романс, средства выразительности, сюжетные схемы, поведенческие модели, персонажные стратегии поведения.

The article investigates the genre of the Belarusian cruel romance, gives its definition, reveals the specific features of the cruel romance. The subject schemes are analyzed: the seducer and his victim, the renegade daughter and the family refusing her, beloved ones taking their own lives. Within each scheme the behavioral strategies of the characters are revealed, the research of means of expressiveness is carried out.

Keywords: Belarusian cruel romance, the means of expression, narrative schema, the behavioral model of character behavior strategies.

Романс представляет собой лирическое произведение, характеризующееся сентиментальным пафосом. В нем одинаково важны музыкальная, словесная и исполнительская стороны. Музыковеды выделяют два вида романса: классический и городской (бытовой). Жестокий романс, на наш взгляд, является разновидностью городского, поскольку, как и городской, использует конкретные образы, обладает специфической композицией и сюжетом, в основе которого лежит недостижимость объекта любви.

До второй половины XX века фольклористы не фиксировали тексты жестокого романса, считая их недостаточно художественными из-за специфики реализации любовных эмоций и трагической концовки (смерть одного или нескольких героев). С. Адоньева и Н. Герасимова указывают, что романс часто завершается печально: «Это может быть нечаянное убийство, инцест, криминал, разлука, самоубийство, тюремное заключение по вине героя либо невинное осуждение» [1, с. 367, 370].

Происхождение и развитие жестокого романса обусловлено разложением уклада традиционной крестьянской семьи. Стремление найти партнера вкупе с резким ослаб-

**BELARUSIAN CRUEL ROMANCE:
CHARACTERS, PLOT, MEANS
OF EXPRESSION****N. Konobeeva,***Master of Philology, Postgraduate Student of
the Department of Folklore Studies and Culture
of Slavic Peoples of the Center for Studies of
Belarusian Culture of the NAS of Belarus*

Received on 12.07.19.

лением контроля привели к учащению нарушения традиционных норм, и это отразилось в городском фольклоре. На поэтику жестокого романса повлиял и более высокий уровень образования городского жителя, доступность ему различной литературы. Эмоциональная же составляющая жестокого романса характеризуется гипертрофированностью, максимизацией эмоций: если любовь – то до гроба, если ненависть – то до смерти. Как свидетельствуют С. Минц и Э. Померанцева, «страсть, экспрессия, всплеск эмоций и чувств – например, смерть по причине чужой измены, является традиционным для “жесточкого” романса сюжетом» [2, с. 24].

В России проблемой идентификации жанра жестокого романса занимались С. Неключдов, М. Петровский, Э. Померанцева и др. В частности, А. Башарин, анализируя сборник под редакцией С. Адоньевой и Н. Герасимовой, цитирует М. Петровского для подтверждения идеи о разделении городского романса на жестокий и собственно романс. Ученый акцентирует внимание на следующих чертах жестокого романса: сконцентрированность на любовной теме, обаятельная трагичность развязки, чаще женская или гендерно неопределенная narra-

тивная позиция. С. Неклюдов обращает внимание на генезис романса, на связь городской культуры с культурой массовой, на функциональную и идеологическую маргинальность городского фольклора. Б. Якубов проследил механизм трансформации городской песни в жестокий романс. В противоположность названному ученым, Ф. Селиванов не видит различий между городской балладой и жестоким романсом; для ученого жестокий романс является формой городской баллады [3, с. 16]. Мы вынуждены не согласиться с данной трактовкой, поскольку в жестоком романсе основополагающей является тема насильственного пути разрешения конфликта, тогда как баллада ориентирована на возможность выбора. Кроме того, в балладе заметно смешение обыденной реальности с миром мистики и волшебства, что является частью нормы, а сюжет жестокого романса подчеркнуто рационален.

Теория жанров городского фольклора разработана крайне слабо. В белорусской фольклористике существует только один сборник фольклорных текстов этого жанра под редакцией Е. Кукреш, изданный в 2010 г. в издательстве «Кнігазбор». В нем произведения распределены по двум разделам: трагические (любовные произведения с трагической концовкой) и лирические, связанные с переживаниями о безответной или прошедшей любви, невозможности выбора между двумя претендентами, сиротские и военные. По нашему мнению, к жестокому романсу необходимо относить произведения о невозможности счастливой семейной жизни. Остальные произведения следует распределить между корпусом внеобрядовой лирики и собственно романсом.

Герои (чаще героиня) жестокого романса испытывают стресс, который мог возникнуть как по вине возлюбленного (возлюбленной), так и под внешним давлением. Спецификой психологизма жестокого романса является экзальтированность поведения персонажей, предсказуемость реакций. Часто встречается сюжет, связанный с внебрачными отношениями, которые ведут героиню к разрыву с семьей и самоубийству:

Жыла годзік, жыла два, жыла, прыуныла,
На руках ана несёт матрасёнка сына.
– Прымі, прымі, маць радна, сем'я не большая,
Матрасёнак будзіць зваць «бабушка радная».
– Ідзі, ідзі, доч радна, с кем савет імела,
Ты савета маево слушаць не хацела.
– Пайдзём, пайдзём, сын радной, нас здзесь не прымаюць,
Сёння мора глубако, там нас ажыдаюць [4, с. 121].

Наравне с героем и героиней в художественном мире жестокого романса изображается родительская фигура. Это может быть мать, реже отец или оба родителя. В белорусском жестоком романсе мать может выполнять несколько функций. Если в одних произведениях она предлагает средство избавления от горя, то в других выступает как информирующая или обвиняющая сторона конфликтной ситуации. Мать может выполнять и иные функции, например, стать заступницей, защитницей парня перед людьми по просьбе любящей этого парня умирающей дочери, быть плакальщицей, проводником в иной мир.

*Над Манінай магілай маць плачыць галаском:
«Ой, рана, рана Манечку засыпалі яском» [4, с. 29].*

Гораздо реже, чем мать, в жестоком романсе фигурирует образ отца. Его функции скромнее: он может быть мстителем за погибшую дочь либо представлять родительскую фигуру вместе с матерью. В этом случае родители называются в качестве некоего символа власти и нормы, они могут не дать свое благословение и косвенно стать виновниками самоубийства влюбленных:

«Не плач, Таня, не плач, Таня, не плач, розачка мая.
Пайду ў папы папытаю, ці пазволе браць цебця».
І папаша не пазволілі, і мамаша – нікагда.
«Пайду Таню расстраляю, а патом і сам себя» [4, с. 165].

Отцовская фигура может выполнять функцию защитника и мстителя за поруганную честь дочери или, чаще, за ее смерть. В функции мстителя отец часто задерживает убийцу дочери:

На гэтак выстрэл народ прыбежаў,
А Галенькі папа мяня задыржаў [4, с. 34].

В сборнике Е. Кукреш есть небольшое количество произведений, в которых обнаруживается мотив инцестуальной угрозы, аналогичный некоторым волшебным сказкам (братья Grimm «Ослиная шкура»). В этих песнях сводный брат требует от девушки ответить на его чувства, но, получив отказ, убивает ее.

Была я маладая ў мачахі адна,
І многа слёз нявінных я ў мачахі ліла.
І быў сыноч любезны ў мачахі адзін,
Любіў многа красотах, пужаў чэсных людзей.
Аднажды раз пад вечар узяў мяне з сабой
Сматрэць на сіня мора, на захад залатой.
Прасіў мяне любіцца, любіць я не змагла,
Дарыў мне многа дзеняг, я дзеняг не ўзяла.
Тады жэ он, брадзьяга, ударыў в грудзь нажом
І труп зарыў ў магілу на беразе крутом [4, с. 73].

Обращает на себя внимание способ характеристики персонажей. Девушка говорит о себе: «маладая», «адна», «ліла многа слез нявінных», о своем обидчике: «любезны сынок», «адзін у мачахі», «пужаў чэсных людзей», «брадзяга». Эти характеристики призваны продемонстрировать избалованность, вседозволенность единственного сына, который в результате настолько не терпит отказа либо настолько боится общественного неодобрения своего поведения по отношению к сестре, что решается убить ее. А девушка, которая воплощает образ нелюбимой падчерицы, описывается словами, призванными вызвать сочувствие слушателя. Интересно, что брат сначала просит любви, затем пытается ее купить, и только потом убивает отказавшую ему девушку. А героиня дарить любовь не может, а деньги не берет. Эта поведенческая модель типична для сюжетов о соблазнителе.

Уже на примере одного сюжета заметно влияние литературных форм. В жестоком романсе используются как типичные для традиционных произведений приемы (постпозиция эпитета, тоекратность действий, прием объяснения финала жестокой (злой) судьбой героини), так и характерная для литературы лексика (*смушчала, паражала, блажэнства, жудасная*).

В отличие от лирических песен, в жестоком романсе слово «любовь» и однокоренные с ним используются очень часто. Практически в каждом произведении объясняется поведение участников события влиянием сильнейшего любовного чувства либо ревностью, потому что «сильно любил». То есть жестокий романс в большой степени ориентирован на индивидуальное чувство, которое настолько непривычно, не укладывается в рамки традиционных семейно-бытовых отношений, что «авторы», а затем исполнители романса ищут подсказки в других формах песенного творчества.

Обилие крови, трагическая концовка и одобрение исполнителем романса такого развития художественных событий говорит не о жестокости носителей городской фольклорной традиции, но является способом повышения накала трагического пафоса произведения. В художественном мире жестокого романса насильственная смерть или добровольный уход из жизни являются своеобразным «избавлением» от несчастий. Однако не всегда смерть – добровольный выбор героя. Часто убийство происходит из-за ревности, например, в результате наговора, или является мстостью за поруганную честь:

Ночкай луннаю і прэкраснаю / Мы пайшлі па аляям гуляць,
Цэлаваліся, абнімаліся, / А патом он пачаў прыставаць.
Он заўлёк мяня красатой сваёй / І пабліжэ к себе прыгарнуў,
Абняў талію і так далее, / Он вавекі мяня абмануў <...>

Аскарблённая і абіжэна, / Я рэвольвер у рукі ўзяла
І зменніку серцэм проданым / Тут смерцельная пуля
легла.

Аскарблённая і абіжэна, / Я бутылачку яду ўзяла,
Яд той выпіла і падумала: / Як жэ Вовочцы буць без
меня?

Страшно Вовочцы показалося / Прэд убітою мёртвой
сем'ёй,

Сердцэ Вовочкі разорвалоса, / Так погібла сем'я тых людзей
[4, с. 88].

В этом произведении заметно сильное влияние песенной поэзии. Синтаксический параллелизм используется в самых напряженных моментах действия для усиления эмоционального накала, структурирование текста происходит за счет использования одной фразы, символизирующей воспоминания:

Ночкай луннаю і прэкраснаю / Мы пайшлі па аляям
гуляць <...>

Ночкай луннаю і прэкраснаю... / Дні ляцэлі, как будта
ў сне... [4, с. 88].

Еще один способ уйти из жизни достаточно своеобразен: герой умирает от разрыва сердца либо доводит себя до болезни, а потом не лечится и умирает:

Ой, хлопцы, вы хлопцы, дзяўчата,
Да чаго вы яе давялі?
Такая маладзенькая дзяўчонка
Мусіла з любові памерці [4, с. 148].

Тоска может настичь девушку и в том случае, если один из влюбленных изменил. В таких произведениях часто фигурирует свадебное платье, которое «не к лицу» состоявшейся невесте:

Не адзявайце мне белае плацце, яно жа ка мне не к ліцу
Адзеньце мне жоўтае плацце за Шуру – измену маю.
Схараніце мяня ў той рошчцы, дзе мілы мой клятву даваў.
Не часта, не рэдка, часценька мой мілы мяне навешчаў
[4, с. 148].

В тексте этого произведения нет указания на причину смерти девушки: убийство ли это или смерть от тоски, однако есть типичные для жестокого романса смысловые конструкции. В частности, во многих романсах героиня до определенного момента была всеми любимой красавицей, не знавшей горя:

Успомяну я юныя годы, када я младазенькай была.
Красою была я дарона і ў міры, як роза, цвіла [4, с. 148].

Часто в жестоком романсе упоминается, что девушка была молода, даже юна, но

в некоторых случаях можно обнаружить четкое указание на возраст персонажа-мужчины:

Жыў мальчышка, быў красівым,
Лет семнаццаць, халастой [4, с. 175].

Хотя чаще этот возраст характерен для героини:

Высокая магіла травой зарасла.
Сямнаццаць лет дзяўчонка з любоўю ўмерла [4, с. 158].

Этот возраст, с одной стороны, является достаточным для того, чтобы у молодых людей возникли стремления к созданию семьи и к романтическим отношениям в целом, с другой – молодой человек все еще несовершеннолетний, то есть находится под родительской опекой и подвластен отцу и матери. Это позволяет включать мотив отказа в благословении как причину самоубийства влюбленного.

Для жестокого романа использование символики цвета – редкость, однако в некоторых произведениях видим пример такого использования: белое – свадебное – платье и желтое – символ девичьей измены:

Адзеньце мне жоўтае плацце за Шуру – і змену маю
[4, с. 148].

Упоминание исторических событий позволяет соотнести текст жестокого романа с конкретным периодом истории по специфической лексике (например, красный командир или комиссар мог появиться в песне только после 1921 года, а то и после Второй

мировой войны с формированием регулярной Красной Армии).

Ацец мой – свяшчэннік, прыкрасна ты знаеш.
Ты, мілай мой – камуніст.
Савецкай уласці он страшна не любіць,
Он ярыў у нас анархіст [4, с. 168].

Таким образом, можно определить **жестокый романс** как городскую разновидность романа специфической структуры с небольшим набором сюжетов и обязательной трагической развязкой. Ему присуща лиричность, сентиментальность, некоторая повествовательность, склонность к смещению стилистически нейтральной и просторечной / диалектной лексики, ориентированность на литературную песню. В произведениях этого жанра можно увидеть несколько характерных сюжетных схем: соблазнитель и его жертва, дочь-отступница и отказывающаяся от нее семья, влюбленные, сводящие счеты с жизнью из-за невозможности быть вместе. Внутри каждой схемы персонажи придерживаются жестко регламентированной стратегии поведения: соблазнитель сначала просит любви, затем пытается ее купить или получить угрозами, после отказа убивает девушку. Дочь-отступница нарушает родительский запрет, а по возвращении в семью отказывается отвергнутой и совершает самоубийство. Влюбленные, узнав о невозможности свадьбы, совершают самоубийство, чтобы сохранить верность любимому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адоньева, С. «Никто меня не пожалеет...» Баллада и романс как феномен фольклорной культуры нового времени / С. Адоньева, Н. Герасимова // Современная баллада и жестокий романс; сост. С. Адоньева, Н. Герасимова – СПб., 1996. – 416 с.
2. Минц, С. И. Русская фольклористика: хрестоматия / С. И. Минц, Э. В. Померанцева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1971. – 416 с.
3. Селиванов, Ф. М. Народные городские песни / Ф. М. Селиванов // Городские песни, баллады, романсы; сост., подгот. текста и коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова; вступит. ст. Ф. М. Селиванова. – М.: МГУ, 1999. – 577 с. – С. 5–28.
4. Жорсткі раманс: фальклорныя песні / укл. А. М. Кукреш. – Мінск: Кнігазбор, 2010. – 436 с.: ноты.

REFERENCES

1. Adonyeva, S. "Nikto menya ne pozhaleyet..." Ballada i romans kak fenomen folklornoy kultury novogo vremeni / S. Adonyeva, N. Gerasimova // Sovremennaya ballada i zhestokiy romans; sost. S. Adonyeva, N. Gerasimova. – SPb, 1996. – 416 s.
2. Mints, S. I. Russkaya folkloristika: khrestomatiya / S. I. Mints, E. V. Pomerantseva. – Izd. 2-ye, ispr. i dop. – M.: Vyssh. shk., 1971. – 416 s.
3. Selivanov, F. M. Narodnyye gorodskiyе pesni / F. M. Selivanov // Gorodskiyе pesni, ballady, romansy; sost., podgot. teksta i komment. A. V. Kulaginoy, F. M. Selivanova; vstupid. st. F. M. Selivanova. – M.: MGU, 1999. – 577 s. – S. 5–28.
4. Zhorstki ramans: falklornyya pesni; ukl. A. M. Kukresh. – Minsk: Knigazbor, 2010. – 436 s.: noty.